

— Я никогда ни к кому не ревновала, – спокойно говорю я, натягивая на лицо улыбку. — Ни разу.

Эрик лишь фыркает в ответ.

— Что такого забавного в том, чтобы всегда смотреть на людей свысока? Когда ты была моложе, я думал о тебе как о ребёнке, который всегда старался изо всех сил во всём, что делал, но теперь я вижу, как сильно ошибался, – выплёвывает он, нависая надо мной, смотря на меня с явным презрением на лице.

Тот факт, что он знал, как сильно я тогда старалась, показывает, как печально далеко я была от достижения своего идеального образа злодейки. Настоящая злодейка никогда не позволит другим увидеть, как она усердно работает над чем-либо. Независимо от важности.

Подводя итог, слова Эрика служат для того, чтобы выставить напоказ поразительный прогресс, которого я добилась в достижении своей цели.

— Благодарю тебя. Я ценю, что ты так говоришь, – язвительно замечая я.

— Ты думаешь, это комплимент?

— Да, – отвечаю я, мило улыбаясь Эрику. — Или, по крайней мере, я восприняла это как таковое.

Его глаза сверкают, а взгляд становится всё острее и острее. Быть убийственно нахмуренным при этом – это то, чем большинство людей, вероятно, не смогли бы похвастаться ни разу за всю свою жизнь. В конце концов, нормальный человек обычно не способен разозлить кого-то до такой степени. Хотя для меня это практически стало повседневным явлением.

И снова напряжение сжимает класс в своих безжалостных, липких тисках.

Эти бедные, жалкие люди из массовки, вынужденные посещать этот класс... Каждый раз, когда я появляюсь, они подвергаются такой напряжённой атмосфере. Не то чтобы я действительно чувствовал себя слишком, слишком плохой для них. В конце концов, чем больше зрителей, тем лучше. Даже если бы это был только один дополнительный человек, я всё равно хотела бы показать свои навыки злодейства перед как можно большим количеством людей.

— Знаешь, Лиз никогда бы не убежала от проблем, которые были доведены до её сведения.

— Что? – глупо выпаливаю я в ответ на внезапную вспышку Эрика.

— Независимо от трудностей, Лиз встанет и встретит проблему лицом к лицу. Просто она такая

девушка. Она из тех, кто даже готов протянуть руку помощи дворянам, которые её ненавидят. И она из тех, кто готов пожертвовать собой, если это потребуется. Когда в Академии появился бешеный волк, она бросилась перед ним, протянув руки, готовая защитить всех, даже несмотря на то, что дрожала так сильно, что едва ли могла стоять. Потому что, как бы она ни была напугана, у неё были люди, которых она хотела защитить.

— Стой-стой-стой... Бешеный волк? Здесь?

Я не могу не вмешаться. Его странный пример оставил у меня слишком много вопросов, чтобы промолчать. Бешеный волк, очевидно, вызывал много вопросов. Довольно трудно поверить, что он мог случайно появиться на территории Академии.

Но Эрик игнорирует мои слова и, как прорвавшаяся плотина, заливает нас своими страстными восхвалениями Божественной Богини, которой является Лиз Кэтер.

— Когда у неё есть свободное время, она едет в соседний город, чтобы поиграть с детьми. Она постоянно думает о благе этой страны.

Клянусь, у него в глазах настоящие звёзды.

— Но что насчёт тебя? Ленивая, ни к чему не прилагаешь никаких усилий, всегда смотришь свысока и высмеиваешь всех остальных... Ты и есть самый что настоящий мусор, – заявляет Эрик, его глаза становятся жестоко холодными.

Ва-ау, называешь меня мусором?.. Швыряешь в меня моё собственное оскорбление... Не смог придумать ничего более оригинального?

Как только эти слова слетают с его губ, комната наполняется великолепным убийственным намерением из-за моей спины. Оно настолько сильно витает в воздухе, что по всему моему телу пробегают мурашки, а по спине – холодок.

Медленно, в напряжении, я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на его источник.

И в тот момент, когда я замечаю выражение их лиц, я замираю... Я не хочу, чтобы кто-то из них был моим врагом. Эти слова, естественно, приходят мне на ум, когда я смотрю на эту группу.

Кровожадности, исходящей от Генри, Гиллеса, Мел и Дюка, достаточно, чтобы пересилить даже мою безграничную волю к борьбе. Они словно могут убить своими взглядами.

Я уверена, что их убийственное намерение настолько сильное, что у всех в комнате, должно быть, мурашки бегут по коже. Может быть, это какой-то их особый навык? Убийственный ход?

Кстати говоря, я думаю, что этот убийственный ход только что преуспел в том, чтобы убить довольно много фанатов Дюка. Слабонервные не смогли бы полюбить его вновь после того, как испытали что-то подобное из первых рук.

— Не вмешивайтесь. Ничего не говорите. И, очевидно, это включает в себя отказ и от физического участия, – говорю я, заставляя свои измученные нервы успокоиться.

Независимо от того, слышали они меня или нет, и независимо от того, готовы ли они были слушать меня, я отворачиваюсь от них и возвращаю своё внимание к болвану, стоящему передо мной.

Эрик, однако, всё ещё в шоке смотрит широко раскрытыми глазами на разъярённую группу позади меня. В его глазах это, вероятно, похоже на то, что меня здесь больше нет. Хотя я не могу его винить. Когда на кого-то направлено такое огромное количество кровожадности, конечно, он в конечном итоге сосредоточится на нём.

То, что меня называют мусором, конечно, достаточно раздражает, чтобы я захотела увидеть кровь, но это не то, с чем я не могу справиться. Однако их жажда крови ещё не утихла, несмотря на мои предостерегающие слова...

— Слушай, ты. Эрик. Ты действительно думаешь, что Лиз пожертвовала собой, чтобы похвастаться? Ты практически выставляешь её идиотизм на всеобщее обозрение.

Эти слова, конечно, быстро вернули его взгляд ко мне. Я так и думала. Я вознаграждаю его ответное внимание своей лучшей злодейской улыбкой: сладким изгибом губ, но со злым, озорным блеском в глазах.

— У неё невероятный талант путать приоритеты. Несмотря на то, что она знает, насколько важна для мира, она пытается пожертвовать своей жизнью ради защиты нескольких благородных женщин, которые ненавидят её... Если бы она действительно была умна, то никогда бы не попыталась так пожертвовать собой. Нет ни одного человека, который смог бы занять её место, если случится худшее.

— Алисия! Нет никого, кто мог бы заменить тебя! – серьёзно говорит мне Лиз, небольшая морщинка беспокойства беспокоит область между её бровями.

— Ох, но он есть, – бесстрастно отвечаю я.

Её красивые глаза деликатно расширяются при моих словах.

— Есть целая куча людей, которые могли бы занять моё место. Если бы меня здесь не было, всё могло бы сложиться так или иначе, – я пожимаю плечами. — Конечно, всем хотелось бы верить, что они уникальны. Все они хотят стать кем-то особенным. Но правда в том, что это не

так. Если ты ищешь кого-то по-настоящему мудрого и умного, ты сможешь найти столько, сколько захочешь. Кто-то, кто может использовать магию? Целая толпа. Однако, как бы ты ни старалась, нет никого, кто обладал бы такими же способностями, как ты, Лиз.

Я говорю тихо, но мой голос эхом разносится по всему классу.

— Если ты смотришь на людей так, как будто они не что иное, как числа и способности, то это может быть правдой. Но... люди – это не просто цифры. В каждом из нас есть что-то экстраординарное и неосязаемое, что никогда не сможет заменить никто другой.

— Конечно. Я согласна. Но с точки зрения высшего блага, единственный человек, который действительно незаменим, – это ты, Лиз. И учитывая реальность, с которой тебе придется столкнуться в будущем, тебе нужно начать закалять своё сердце и готовить себе замену.

— Что ты имеешь в виду? Зачем мне это делать?

— Когда-нибудь, если тебя призовут защищать эту страну, что бы ты сделала, если бы один из твоих товарищей или советников был внезапно ранен, или убит, или иным образом выведен из строя? – спрашиваю я её с приятной улыбкой на лице. Хотя в её глазах и в глазах всех зрителей выражение моего лица, вероятно, выглядит как у самого дьявола.

— Ты когда-нибудь задумывалась о том, почему во главе организации не стоит только один командир? Почему всегда есть заместитель, лейтенант или заместитель командира?

Внезапно рядом с нами раздаётся голос Эрика, дрожащий и эмоциональный:

— Ты... Что ты знаешь о Лиз? Она и так прекрасна. Ей не нужно меняться. Если ей чего-то не хватает, мы вмешаемся и позаботимся об этом вместо неё.

Похоже, что изменить мнение Святой, когда её мысли и мнения уже сложились, – почти безнадежная задача. Особенно когда её горячо любимые поклонники готовы вмешаться, когда я пытаюсь что-то сказать. Задача наблюдения и руководства Лиз на её пути к тому, чтобы стать Святой, гораздо более хлопотна, чем я изначально ожидала.

Внешне я старательно сохраняю спокойствие, но мысленно тяжело вздыхаю.

— Лиз – это та, кто встанет и встретит свои страхи лицом к лицу, даже дрожа. Она исключительная, сильная, потрясающая женщина, – заявляет Эрик, глядя мне прямо в глаза.

Но... это не то, что он должен говорить мне... Это то, что он должен был сказать Лиз.

Несмотря на то, что замечание не было адресовано ей, глаза Лиз расширяются от его слов, её

лицо быстро становится похожим на блестящее красное яблоко.

Я чувствую, как мои собственные глаза остекленели от этого неуместного проявления любви. На данный момент не может быть никаких сомнений в том, что ему конец. Лиз почти прикончила эту цель захвата.

И, что касается меня, то я сказала всё, что хотела... поэтому я хотела бы пойти. Я чувствую непреодолимое желание съесть немного сладостей.

— Я ухожу, – бросаю я через плечо, одновременно поворачиваясь.

Я всё ещё чувствую на себе взгляды всех, но я игнорирую их и иду к двери. Мне больше не хочется иметь с ними дело, я хочу выбраться отсюда и расслабиться.

— А что ты знаешь об Алисии? – спрашивает Дюк, его тон низкий, его голос тяжёлый и резонирующий.

Я не знаю, какое выражение лица было у Эрика, услышав этот вопрос, хотя я чувствую, что могу догадаться. Он, вероятно, не предполагал, что Дюк когда-либо скажет ему что-то подобное.

Ах, мне бы очень хотелось увидеть выражение его лица... но если я сейчас повернусь, то буду выглядеть совсем не круто.

Поэтому вместо этого я просто иду к двери. Гиллес молча идёт за мной. И прямо за нами двумя я слышу шаги Генри, Мел и Дюка.

Никто ничего не говорит. Мы все идём в полной тишине.

Я не сильно беспокоюсь об остальном, но до сих пор Генри был в состоянии довольно хорошо ладить со всеми... Это нормально, что он уходит вместе с нами?

Я рассеянno перебираю эту мысль в голове, пока мы идём.

Весь путь по дороге домой я теряюсь в таких мыслях. И хотя Гиллес всё время находится рядом со мной, я не замечаю, как на его ладонях образуются глубокие багровые полумесяцы, и медленно начинает капать кровь.

От лица Гиллеса (Алисия — 13 лет, Гиллес — 9 лет).

— Хэй, Алисия?... Может, хватит на сегодня? – наконец спросил я. Я больше не мог смотреть,

как она практикуется в магии.

Она будет проводить каждый час, который сможет, с утра до вечера, отсиживаясь в библиотеке.

Она будет практиковаться, практиковаться и практиковаться без отдыха, но ничего не сможет достичь. Её уровень не повышается. Она явно дошла до своего предела... Или, может быть, это не так? Её прежняя скорость, возможно, была настолько выдающейся, что эта внезапная остановка казалась неуместной. Насколько я знаю, может быть, обычно это занимало так много времени, как только ты достигаешь этой стадии.

У меня не было понятия о том, что считается нормальным в отношении магии. Но я точно знал, что, как только Алисия что-то решит, как только она "загорится", она никогда не сдастся.

— Нет. Пока я не могу остановиться. У меня каждая минута на счету.

— Ты делаешь это каждый день. Неужели сегодняшний день действительно такой особенный? Ты можешь просто сделать перерыв.

— Нет смысла бесконечно трудиться.

— ...Что ты имеешь в виду?

Разве ты не этим занимаешься?

— Я имею в виду, что практика изо дня в день не является моей конечной целью. Это не значит, что я планирую усердно работать вечно. Я просто хочу поторопиться и поднять свой уровень как можно быстрее.

— Чтобы догнать Лиз Кэтер?

На мой вопрос лицо Алисии стало немного грустным, почти одиноким.

У меня возникло ощущение, что я впервые увидел настоящую Алисию. Истинные эмоции, которые она прячет за всеми своими слоями упрямства и бравადы.

— ...Как бы я ни старалась, я никогда не смогу догнать её. Но, по крайней мере, я хотела бы стоять на том же игровом поле. Даже если я не смогу победить её, я хочу иметь возможность встретиться с ней на почти что равных. Если я не могу сделать даже этого, то как я могу осмелиться стоять над ней? Руководить ею и давать советы как начальник?

Её глаза смотрели прямо в мои, когда она говорила. А когда она закончила говорить, то улыбнулась так, что в уголках её глаз появились морщинки. Одинокая, но ослепительная улыбка.

Больше, чем кто-либо другой, я уверен, что Алисия осознаёт тот факт, что её силы не идут ни в какое сравнение с силами Лиз Кэтер.

Вероятно, именно по этой причине она всегда так заиклена на ней. Потому что она так старается догнать её. Если она хочет быть на равных с Лиз Кэтер, она не может позволить себе терять время.

Она изо всех сил старается, и всё ещё неясно, сможет ли она идти нога в ногу с ней. Вероятно, поэтому она сказала, что усилия не гарантируют вознаграждения.

Алисия, вероятно, та, кто понимает это больше всего. Так как она знает, что в жизни результат – это всё.

Она понимает, что единственное, что гарантируется усилиями, – это уверенность в себе... Она, вероятно, напоминает об этом снова и снова, когда изо всех сил пытается не отставать от кого-то, столь одарённого магией... И она, вероятно, возненавидит саму мысль о том, чтобы позволить другим видеть, как она старается.

Не только потому, что такое отчаяние кажется неубедительным в её глазах, но и потому, что она не думает, что усилия, которые ты прилагаешь, чтобы обрести уверенность, – это то, что ты должен показывать другим.

Конечно, вполне возможно, что я совершенно неправ, что Алисия так не думает. Но вот какой я её вижу.

И от всего сердца я надеюсь, что настанет день, когда она превзойдёт Лиз Кэтер.

— Не дави на себя слишком сильно. Не переусердствуй, ладно? – спросил я, но Алисия лишь улыбнулась в ответ.

— Я не буду работать так усердно, чтобы причинить себе боль, но я буду стараться изо всех сил, не сдерживаясь.

Если бы все остальные увидели настоящую Алисию, они в одно мгновение стали бы её пленниками. Они все были бы очарованы ею, и я уверен, что они захотели бы остаться рядом с ней.

Я очень надеюсь, что этот день настанет, и всё же где-то в крошечном уголке моего сердца я молюсь, чтобы никто больше никогда не увидел её такой.

Я знаю, что это жалко. Я терпеть не могу эту непостоянную, непоследовательную сторону в самом себе.

Но такие мысли, похоже, не смогут изменить моих чувств.

<http://tl.rulate.ru/book/39408/1425996>